

Жорес МЕДВЕДЕВ

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

ГЛАВА 2 СМЕРТЬ СТАЛИНА*

20 или 21 июня меня вызвали в отдел международного сотрудничества Министерства высшего образования к Ю. С. Самохину, ведавшему делами США. Он сказал, что моя поездка на геронтологический конгресс, очевидно, не состоится. Причины этого мне не объясняли. Самохин рекомендовал мне заблаговременно известить об этом моих американских коллег, копии приглашений были в моём деле. Он также сказал, что я должен в качестве причины указать занятость, болезнь или «семейные обстоятельства». Я ответил достаточно прямо, что никаких отказов от приглашений я посылать не буду. На следующий день я попросил аудиенции у министра, но был переадресован к его заместителю профессору М. А. Прокофьеву. В качестве причины проблемы Прокофьев назвал задержку в передаче моего выездного дела в «выездную комиссию»: нужно было сделать это не менее чем за два месяца до отъезда. Это объяснение меня не удовлетворило: я знал, что дела моих коллег из Киева уже рассматривались в ЦК КПСС. Объяснение в отказе от поездки я должен, по рекомендации Прокофьева, взять на себя, сославшись на болезнь. Я ответил, что напишу только правду. Прокофьев пришёл в негодование и заявил мне, что «честный советский учёный никогда не станет обвинять перед иностранцами государственное учреждение». На этом мы расстались. Однако Прокофьев сразу позвонил ректору ТСХА и распорядился применить по отношению ко мне «воспитательные меры».

На следующий день я подготовил докладную записку на имя секретаря ЦК КПСС М. А. Сулова, которую отвёз в приёмную ЦК КПСС на Старой площади. Ответа не последовало. После этого я послал заказное экспресс-авиаписьмо Натану Шоку, дополнив его международной телеграммой. Я сообщил Шоку, что Министерство высшего образования — необходимая инстанция для оформления зарубежных поездок — отказалось от оформления лично моей поездки в США. Я просил Шока аннулировать сде-

ланную Геронтологическим обществом оплату моего полёта в США. Как мне было известно, бельгийская авиакомпания «Сабена» уже забронировала мои билеты, получив платёжные гарантии на тысячу долларов. Но Натан Шок тоже не сдавался. В начале июля я получил от него письмо, в которое была вложена копия его обращения к министру высшего образования СССР.

Между тем мой доклад, 20 страниц английского текста, был готов и отпечатан на машинке. Теперь нужно было найти надёжную оказию для его отправки в США. Удача в этом деле пришла случайно. С 1956 года официальная политика поощряла связи советских учёных с иностранными коллегами. В Москве стали регулярно проводиться международные симпозиумы и конференции. Создавались общества дружбы с разными странами. Я уже был членом общества дружбы «СССР—Великобритания» и иногда ходил на его заседания, которые проводились в доме-дворце Саввы Морозова на улице Калинина, недалеко от Государственной библиотеки им. Ленина. Это уникальное здание было передано ещё в 1926 году Всесоюзному обществу по культурным связям с заграницей (ВОКС). В 1958-м ВОКС был преобразован в Союз советских обществ дружбы (ССОД), в который входили уже больше 40 обществ. У меня был членский билет этого союза. Раз в неделю я обычно до вечера работал в Ленинской библиотеке. Но там была очень плохая столовая, почти без выбора блюд. Поэтому в свой «библиотечный день» я шёл пообедать в здание ССОД, находившееся в пяти минутах ходьбы. Здесь была небольшая, но отличная столовая-буфет и комната отдыха с удобными креслами. Как я сейчас понимаю, ВОКС и ССОД превратили построенный в восточном стиле дворец Морозова в копию типичного английского клуба. Иностранцы учёные, которые нередко бывали в «Ленинке», также приходили сюда на ленч или на ужин. Здесь можно было прочитать и некоторые зарубежные газеты и журналы.

В последней декаде июля, отдыхая после ленча в библиотеке ВОКС (все продолжали использовать в разговоре эту привычную аббревиатуру), я увидел неподалёку в кресле профессора Честе-

ра Блисса, с которым был знаком с 1954 года. Он тогда выступал с лекцией в Московском обществе испытателей природы по проблемам биологической статистики. Председатель секции геронтологии МОИП, зоолог, профессор В. В. Алпатов был другом Блисса. Алпатов в 1927–1928 годах работал в США по стипендии Рокфеллера. Честер Блисс был создателем Международного биометрического общества. Он в молодости был генетиком и работал в лаборатории Моргана. В 1936–1938 годах Блисс работал в Ленинграде во Всесоюзном институте защиты растений. Он был другом Николая Ивановича Вавилова и в 1954-м в беседах со мной расспрашивал о его судьбе. Блисс знал русский язык, но сейчас мой английский оказался лучше его русского. Во время беседы я объяснил ему свои проблемы с конгрессом по геронтологии. Я спросил, не смог бы он взять с собой текст доклада и отправить его в США Натану Шоку. Блисс без всяких колебаний согласился оказать помощь. Мы договорились, что я привезу ему рукопись в гостиницу «Метрополь». Встречу назначили в ресторане, открытом для всех через вход на площади Революции.

Натан Шок, бывший одним из основателей Международной ассоциации геронтологии, издал в США в 1988 году книгу по истории этой организации. Излагая главные достижения Пятого конгресса в Сан-Франциско, он вкратце касается и эпизода со мной. Привожу отрывок в переводе с английского: «Как председатель программного комитета по биологии, я принял решение пригласить д-ра Медведева и предоставить ему стипендию для оплаты дорожных расходов и других расходов во время конгресса... Сейчас очевидно, что я совершил тяжёлую ошибку, послав приглашение непосредственно ему... Как я узнал позже, советская система требует, чтобы приглашение направлялось в министерство или ведомство, а не самому исследователю. Моя ошибка вызвала множество проблем... В конечном итоге Медведев не смог приехать на конгресс. Однако он сумел прислать мне свой реферат, который был опубликован в сборнике тезисов для участников. Полный доклад был опубликован несколько позже. Таким образом, идея о том, что ошибки син-

*Продолжение. Начало см.: Родина. 2011. № 1, 5–6.

теза белков и РНК в большей степени определяют возрастные изменения, чем стабильная ДНК, была представлена как теория старения именно на конгрессе в Сан-Франциско»¹.

СЕМЬ БЕД — ОДИН ОТВЕТ

В конце июля 1961 года в Москве в Московском университете собирался Пятый международный биохимический конгресс, для участия в котором зарегистрировались более двух тысяч учёных. Для СССР это был самый крупный съезд иностранных учёных за всю его историю. Организация конгресса была возложена на Академию наук. Была выпущена специальная серия почтовых марок, посвящённая конгрессу. Программа включала множество пленарных и секционных заседаний и симпозиумов. Ожидалось прибытие в Москву легендарных открывателей структуры ДНК, нобелевских лауреатов Дж. Уотсона и Ф. Крика. Незадолго перед этим в СССР было создано Биохимическое общество, и я был его членом. Получив регистрационные формы, я сделал заявку на участие в одной из секций по биохимии растений. В течение трёх месяцев перед конгрессом я также ходил на организованные Биохимическим обществом курсы переводчиков. Биохимиков со знанием разговорного английского языка для всех секций и симпозиумов не хватало. По окончании курсов я получил служебное удостоверение переводчика, дававшее мне право на организацию экскурсий для членов конгресса. Многие иностранные учёные оставались ещё на неделю после закрытия конгресса для экскурсий в музеи, посещения научных институтов, балета и оперы. Заключительный концерт для участников конгресса в Большом театре был великолепным зрелищем, многие его представления я помню и до настоящего времени.

Мой собственный доклад на секции по азотно-белковому обмену у растений был посвящён пептидам и пептидно-нуклеотидным комплексам у растений, функции которых были тогда неизвестны. Другой доклад по пептидам растений сделал известный британский биохимик Ричард Синг, работавший в Абердинском университете в Шотландии. Я познакомился с Сингом ещё в 1957 году на международном симпозиуме по происхождению жизни, который был организован в Институте биохимии. Директор этого института академик А. И. Опарин был автором книги «Происхождение жизни на Земле», которая считалась главным трудом в этой области. Ричард приехал

тогда в Москву в мини-автобусе с женой Анной и семью своими детьми. Они привезли палатки и рассчитывали жить где-либо в лесу под Москвой. Невозможность этого создала множество проблем, так как жить в дорогих гостиницах всей семьёй они не хотели или не могли. Кредитных карточек тогда не было, все услуги оплачивались наличными. Синг вместе с Дж. П. Мартином разработал в 1944 году метод распределительной хроматографии, получивший широкое применение в аналитических исследованиях, особенно в изучении аминокислотного состава белков. Эта работа была в 1952 году удостоена Нобелевской премии по химии.

После окончания конгресса я пригласил Ричарда на экскурсию в Тимирязевскую академию. Синг в это время работал в области сельскохозяйственной химии и изучал белковый обмен злаков и кормовых растений. Экскурсия продолжалась весь день и включала ленч (для нас обед) на плодово-овощной станции из местных продуктов и чай с мёдом на пасеке ТСХА. На кафедре агрохимии и биохимии я рассказал ему и о моих проблемах с книгой «Биосинтез белков и проблемы онтогенеза», показав рукопись. Синг немного знал русский язык. Но его жена Анна, как оказалось, была профессиональным переводчиком с русского для издательства «Oliver and Boyd Ltd» в Эдинбурге. Она перевела на английский и книгу Опарина «Происхождение жизни». Ричард и Анна были социалистами, друзьями Бертрона Рассела. Синг сам предложил: «Давайте я возьму Вашу рукопись... мы ее посмотрим и предложим хорошему издательству в Эдинбурге...» Я выразил опасение, что две толстые папки могут вызвать подозрение при проверке в аэропорту. «Ерунда, — ответил Синг, — мой багаж — это всё книги, да и проверять меня никто не будет». Таким образом, моя книга в августе 1961 года уехала в Шотландию.

Основной сенсацией московского биохимического конгресса был доклад Маршалла Ниренберга о начале разгадки генетического кода ДНК, который шифрует последовательность аминокислот в белках. Это исследование кардинально меняло представления о механизмах синтеза белков. Мне снова нужно было переделывать некоторые главы книги. Я её в последующем переделывал ещё два раза, посылая все изменения Сингам. Когда книга в конечном итоге была издана в Эдинбурге в переводе Анны Синг, это был уже седьмой вариант. Но это произошло лишь через четыре года. Имея семерых детей, Анна не могла работать очень быстро.

Центральная пресса в Москве полностью замалчивала открытие генетического кода, которое было сенсацией в других странах. Лысенко незадолго перед биохимическим конгрессом был переизбран на пост президента ВАСХНИЛ. В биохимии мы просто не могли работать на современном уровне и действительно решать какие-то проблемы. Но необходимые изменения должны были произойти в политике руководства страны. Система власти, существовавшая в СССР, позволяла учёному открыто выступить против политики ЦК КПСС только один раз. Второго шанса у него попросту не могло быть. Учёного не уничтожали, как при Сталине, но удаляли из науки, лишали привилегии быть исследователем или лектором. Альтернатив государственно-партийной бюджетной системе образования, академий и институтов просто не было. Об этом всё ещё напоминал мне мой друг В. П. Эфроимсон, блестящий теоретик медицинской генетики, работавший в 1961 году библиографом в Библиотеке иностранной литературы. Знаменитый Иосиф Абрамович Рапопорт, герой и инвалид войны, открывший в 1939–1940 годах химический мутагенез, работал лаборантом в каком-то институте нефтегазовой промышленности. Легендарный Антон Романович Жебрак, в недавнем прошлом профессор генетики ТСХА и президент Академии наук Белоруссии, преподавал ботанику в Фармацевтическом институте, получив эту должность лишь после формального покаяния на страницах «Правды».

Но свой единственный шанс я всё же решил не упустить и время для него, судя по всему, пришло. В моём небольшом кабинете на кафедре всё ещё был большой запас отличных, двойного размера, листов бумаги. Два вагона немецкой бумаги, которую привезли в ТСХА в конце 1945 года из Германии «по репарациям», обеспечили нас на много лет. Положив перед собой стопку бумаги, я написал на верхнем заголовке для новой книги: «Биологическая наука и культ личности».

ГЛАВА 3 ГЕНЕТИКА В СССР

Генетика, как и другие отрасли естествознания, очень быстро развивалась в СССР в период 1922–1930 годов. После гибели миллионов людей, разрухи и массовой эмиграции, вызванных мировой и Гражданской войнами и разрушительной практикой «военного коммунизма», переход к нэпу означал либерализацию всех областей жизни страны. Преимущество социалистической системы мож-

но было доказать миру лишь её успехами, прежде всего в развитии образования, науки и экономики. Именно в это время стали быстро возникать новые научно-исследовательские институты, были созданы Академии медицинских и сельскохозяйственных наук и Академия наук Украины. По всей стране расширялась сеть селекционных и опытных станций. Система высшего образования, в прошлом сосредоточенная в Петербурге и в Москве, распространилась по всей стране. Для всемирно известных русских учёных — И. П. Павлова, В. И. Вернадского, Л. Ф. Орбели, В. Н. Сукачёва, А. Н. Баха, В. Л. Комарова и некоторых других — были созданы новые научные институты.

«Классовое происхождение», игравшее большую роль в течение нескольких лет после революции, потеряло в период нэпа своё значение при выдвижении на академические посты. Профессор Н. К. Кольцов, в прошлом член кадетской партии, возглавил Институт экспериментальной биологии АН СССР и кафедру в МГУ. Именно Кольцов в 1929 году — первым в мировой науке — сформулировал теорию о том, что гены существуют в форме макромолекул, которые способны к самовоспроизведению по принципу матрицы. Неизбежным в то время было предположение о том, что эти макромолекулы имеют белковую природу. Строение нуклеиновых кислот ещё не было установлено. Н. И. Вавилов, отец которого, крупный промышленник в Саратове, эмигрировал в 1917 году в Германию, создал в 1924-м в Ленинграде Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур, будущий ВИР, получив для института большое здание бывшего министерства сельского хозяйства возле Исаакиевского собора. В 1925 году Вавилов создал в Москве Всесоюзную академию сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (ВАСХНИЛ) и в 1930-м — Институт генетики АН СССР. Профессор Н. М. Тулайков основал в 1929 году в Саратове Всесоюзный институт зернового хозяйства. Основные положения популяционной и эволюционной генетики были сформулированы в 1926 году С. С. Четвериковым, работавшим в Институте экспериментальной биологии в Москве. В 1928-м профессор С. Г. Левит создал в Москве кабинет наследственности человека, который в 1935 году был преобразован в Медико-генетический институт, первый в мире научный центр по изучению генетики человека. Лидирующее положение советской генетики, во всяком случае в Европе, стало очевидным и её практические достижения были общепризнанными. Ещё более значительными казались и её перспективы. Не

было в этот период и политических ограничений на поездки советских учёных за границу.

В 1961 году в СССР генетика как научная дисциплина уже практически не существовала. Гены как материальные носители наследственности не упоминались ни в ботанике, ни в зоологии, ни в медицинской или сельскохозяйственной литературе. Селекционеры могли говорить о признаках, но не о генах. Врачи диагностировали болезни, но не наследственные синдромы или патологии. У представителей животного и растительного мира можно было фиксировать изменения, но не мутации. За чистотой научных текстов следили теперь не только редакторы журналов и издательств, но и всеильная цензура. Единственным местом на территории СССР, где осуществлялось преподавание классической генетики, включавшее и практикум по дрозофиле, была биологическая станция Уральского филиала АН СССР, размещившаяся в деревянном доме, бывшей даче, принадлежавшей до революции уральскому золотопромышленнику Симонову. Эта дача была расположена на живописном берегу озера Миассово в Ильменском геологическом заповеднике, протянувшемся на 40 километров вдоль Уральского хребта. Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский, ученик Кольцова и Четверикова, освобождённый из заключения в 1955 году после отбытия 10-летнего срока, основал здесь в 1956-м добровольную «летнюю школу» по генетике. Сюда приезжали, обычно во время отпусков, молодые и немолодые биологи из разных городов. Про эту «подпольную» генетику власти в Москве, по-видимому, ничего не знали.

ТЕРРОР В НАУКЕ

Моя рабочая рукопись «Биологическая наука и культ личности», получившая более спокойный подзаголовок «История биологической дискуссии в СССР», по привычной для меня схеме проходила стадии «первого», «второго» и «третьего» вариантов. Первые главы давали обзор успехов генетики и связанных с ними практических достижений сельскохозяйственных и медицинских отраслей. При этом неизбежно выделялась фигура Николая Ивановича Вавилова, так как его планы по глубине и масштабу замыслов улучшения качества и урожайности культурных растений в то время безусловно превосходили все проекты, которые существовали в США и в некоторых других странах. Программа

Вавилова по изучению и использованию мирового генофонда обещала через 10–20 лет «зелёную революцию», причём значительно более широкую, чем та, которая по рису и пшенице была осуществлена через много лет группой американского селекционера Нормана Борлауга для Индии и сопредельных с нею стран и отмеченная в 1970 году Нобелевской премией мира.

В условиях Советского Союза, который с переходом от нэпа к принудительной коллективизации крестьян становился тотальной диктатурой, кампании репрессий в административно-политической сфере распространялись и в науку, в поиски и здесь врагов «единственно правильного» учения. Трофим Лысенко в одной из своих речей в 1935 году достаточно ясно отразил эту тенденцию: «...ярковизация, созданная советской действительностью, смогла отбить все нападки классового врага... вредители-кулаки встречаются не только в колхозной жизни... не менее они опасны, не менее закляты и для науки...»²

Политический террор, развязанный Сталиным в 1936 году, был настолько интенсивным, массовым и обеспеченным пропагандой и «открытыми» судами, стенограммы которых публиковались во всех центральных газетах, что его распространение в другие сферы жизни общества, включая науку, технику и образование, были неизбежными. Можно было предвидеть, что к политическим обвинениям начнут прибегать те стороны в научных дискуссиях, у которых не хватает убедительных аргументов для укрепления своих позиций. Научный противник становился врагом, которого нужно уничтожить. Дискуссии и диспуты деградировали в доносы.

Изучая этот период репрессий в биологии по газетам того времени, включая и областные, я детально раскрыл стадии физической ликвидации нескольких выдающихся учёных. Кроме подробного изложения истории гибели академика Вавилова и репрессий среди его соратников, я выделил раздел об аресте академика Николая Максимовича Тулайкова и многих его учеников. Как оказалось, причём к большому удивлению и для меня самого, главное обвинение против Тулайкова выдвинул в 1937 году В. Н. Столетов. Основным поводом для разгрома «вредительской группы» Тулайкова явилась статья Столетова «Против чуждых теорий в агрономии», напечатанная в «Правде» 11 апреля 1937 года и обвинявшая Тулайкова в подрывной деятельности. Академик Тулайков, уже пожилой учёный (63 года),

вице-президент ВАСХНИЛ и друг Вавилова, был директором Института зернового хозяйства в Саратове. Столетову в это время было лишь 29 лет и он работал редактором в московском издательстве «Сельхозгиз», которое лишь недавно опубликовало две книги Тулайкова, посвящённые вопросам развития сельского хозяйства. Столетов не имел ни теоретических знаний, ни практического опыта, ни авторитета, чтобы громить столь выдающегося учёного и получить для этого страницу «Правды». Было несомненно, что Столетову эта статья была кем-то заказана свыше именно для ликвидации Тулайкова, которого вскоре арестовали. Статьи в «Правде» в то время считались директивными. Потом стали арестовывать и «тулайковцев». Тулайков умер в Беломорском лагере в 1938 году. Сотрудничество Столетова со следствием по «тулайковским» делам было неизбежным. Обвинителя и обвиняемого нередко вызывали в то время на «очные ставки». (В 1968 году Столетов, министр высшего образования РСФСР и заведующий кафедрой генетики МГУ, получив на отзыв из издательства «Молодая гвардия» книгу о Вавиллове из серии «Жизнь замечательных людей», попросил в личной беседе с её автором Семёном Резником удалить из текста положительную характеристику академика Тулайкова³).

В своей рукописи я также рассматривал судьбу медицинской генетики в период террора (арест и расстрел С. Г. Левита и его коллег) и закрытие Медико-генетического института и Института экспериментальной биологии. Н. К. Кольцов был уволен из МГУ. Лишённый всех постов, он умер в 1940 году в возрасте 68 лет. С. С. Четвериков ещё раньше был арестован и приговорён к ссылке, которую он отбывал в Свердловске. В последующие годы он открыл и описал в Уральском регионе 60 новых видов бабочек.

ВТОРАЯ ВОЛНА РЕПРЕССИЙ

Вторая волна репрессий среди учёных, начавшаяся в августе 1948 года, свидетелем которой я был в студенческие годы, имела менее чёткую связь с политическим террором. Она была одним из эпизодов начавшейся в 1946-м холодной войны и кампании против «буржуазных космополитов». Репрессии, начавшиеся в 1948 году по отношению к противникам Лысенко, осуществлялись в форме массовых увольнений, а не арестов. Кампания увольнений происходила очень быстро и оформлялась приказами министра высшего образования СССР С. В. Кафтанова, распространёнными в форме спис-

ков-брошюр 23 и 24 августа 1948 года. В начале сентября массовые увольнения были произведены в АН СССР, ВАСХНИЛ, в академиях медицинских и педагогических наук и в издательствах. Было очевидно, что все эти списки готовились где-то заранее. Большинство уволенных в августе были в это время в отпусках и узнавали о своём смещении лишь в сентябре. Никаких законных оснований для таких увольнений не было. По скромным подсчётам, из учебных и научных институтов было уволено более трёх тысяч «антимичуринцев». Многие должности долгое время оставались незамещёнными. Аппарат государственной безопасности не вмешивался, так как он просто не был готов к быстрому созданию стольких новых дел. Аресты, однако, применялись по отношению к тем учёным, которые уже подвергались заключению и ссылкам в довоенный период. В это же время производились повторные аресты людей, осуждавшихся на 10 лет в 1936–1938 годах (тогда максимальный срок), выживших в лагерях и освобождённых «по истечении срока». Им предстояло выживать ещё много лет. В 1947 году максимальный срок был увеличен до 25 лет. Среди этого «контингента» был друг моего отца Иван Павлович Гаврилов. Он вышел на свободу лишь в 1956-м.

Описание событий периода 1948–1953 годов и хрущёвской «оттепели» было в моей рукописи основано на собственных наблюдениях, подкреплённых свидетельствами коллег и друзей. Наибольшую помощь мне оказали Владимир Павлович Эфроимсон и Александр Александрович Любищев, которые уже в течение нескольких лет были известны как авторы обширных трудов с критикой всех аспектов «мичуринской биологии». Любищев, энтомолог, заведовавший кафедрой зоологии в педагогическом институте в Ульяновске, был в 1961 году на пенсии и часто приезжал в Москву. Эфроимсон, автор книги по иммуногенетике, лишь в 1961-м в возрасте 53 лет получил научную должность в Московском институте вакцин и сывороток. Труды Любищева и Эфроимсона были намного обширнее и обстоятельнее той рукописи, над которой я в это время работал. Однако именно в результате обширности они были мало известны за пределами узкого круга коллег. Оба автора сосредотачивали главное внимание на научной критике теорий и практических рекомендаций Лысенко и его сторонников, а не на истории всего феномена псевдонауки.

В процессе работы я показывал предварительные версии рукописи профессору Н. А. Майсураю, который как декан факультета принимал меня в ТСХА;

Ф. Х. Бахтееву, сотруднику Вавилова и свидетелю его ареста на Западной Украине в 1940 году (именно рассказ Бахтеева воспроизводился в разделе об аресте Вавилова); П. М. Жуковскому и А. Р. Жебраку, квартиры которых были в том же доме, в котором жила и моя семья. Жуковский в это время уже не работал в ТСХА. В 1952 году он был неожиданно назначен директором Всесоюзного института растениеводства (ВИР) в Ленинграде. Он сохранял данное в 1948-м обещание перейти на «мичуринские» позиции и был вознаграждён повышением и возможностью экспедиций в Южную Америку, откуда он привозил новые разновидности картофеля, кукурузы и других культур: для них этот континент был родиной. Но со мной Жуковский был достаточно откровенен. Благодаря ему я смог две недели работать в архиве ВИРа, где сохранились стенограммы многих дискуссий вавиловского периода. Детали о пребывании Вавилова в тюрьмах в Москве и в Саратове, о следствии, приговоре и смерти от голода в январе 1943 года стали известны в основном в период пересмотра «дела Вавилова» в 1955-м, начатого по инициативе жены и сына учёного.

В то время, до XX съезда КПСС, пересмотр дел многих тысяч людей шёл медленно и включал снятие всех обвинений и вызовы в Прокуратуру СССР авторов доносов, участников «экспертиз» и допросы следователей. Впоследствии реабилитации осуществлялись быстро, по спискам, и сопровождалась уничтожением архивных дел. Но это уже были сотни тысяч дел людей, которые всё ещё томились в лагерях и тюрьмах. Они реабилитировались «выездными комиссиями» в местах заключения и немедленно освобождались. Посмертные реабилитации растянулись на более длительный срок. Младший сын Н. И. Вавилова Юрий собирал всю возможную информацию об отце. Он хотел найти в архивах КГБ множество неопубликованных рукописей, дневников о путешествиях, переписку с зарубежными коллегами, альбомы фотографий, конфискованные на квартире учёного после его ареста. Однако все эти бумаги были уничтожены.

В Ленинграде большую помощь в сборе материалов мне оказали профессор В. Я. Александров, цитолог, и В. С. Кирпичников, генетик.

Продолжение следует

Примечания

1. Shock N. W. The International Association of Gerontology. A Chronicle — 1950 to 1986. New York. 1987. P. 75–76.
2. Медведев Ж. Взлёт и падение Лысенко. М. 1993. С. 28–29.
3. Резник С. Дорога на эшафот. Париж; Нью-Йорк. 1983. С. 15.